

В Е Р А Калачкава

Любить
и быть счастливым

Волосы Береники

Вера Александровна Колочкова
Волосы Береники
Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28070582
Волосы Береники : роман / Вера Колочкова: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-089910-4

Аннотация

У Вероники все есть для счастья – и дом, и сын Матвей, и любимый муж Сева. И даже со свекровью Маргаритой Федоровной у нее сложились прекрасные отношения. Тем более их со свекровью объединяет общая тайна – обе знают, что Сева Матвею вовсе не родной отец...

Но все тайное всегда становится явным. И Сева узнает правду. К тому же и биологический отец Матвея снова появляется в жизни Вероники. Как им найти выход из трудного положения? И как женщине разобраться в том, кто для нее дороже – Сева, который все эти годы с любовью воспитывал сына, или его настоящий отец?

Вера Колочкова

Волосы Береники

© Колочкова В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*И как собой ни рисковали,
Как ни страдали от врагов,
Богов людьми мы рисовали
И в людях
Видели
Богов!*

*Е. Евтушенко,
«В церкви Кошцэты»*

Маргарита Федоровна стояла перед зеркалом, разглядывала свое отражение с победным прищуром. Потом повернулась боком, откинула голову назад, чуть приподняла подол длинного платья и кокетливо шаркнула ножкой в черной лаковой лодочке на низком каблуке. Ника наблюдала за ней с удивленным восхищением, пока Маргарита Федоровна не спросила игриво:

– Ну как тебе мое новое платье? Отпад, правда?

– Отпад, Маргарита Федоровна. Полный и безоговороч-

ный, — с готовностью подтвердила Ника, даже не пытаясь всплыть в интонацию предложенной свекровью самоиронии.

Какая самоирония, боже мой? Женщине глубоко за семьдесят перевалило, а она — как огурец. Пусть и соленый огурец, и даже, скорее всего, из прошлогоднего засола, но все равно твердо-хрустящий, шибаящий в нос терпким духом смородинового листа и гвоздики. Такой огурчик любые вольности может себе позволить, и модное платье в пол, и шарканье ножкой, и даже восхищенное и совершенно искреннее одобрение своей невестки.

— Да, мне и самой нравится, — самодовольно подтвердила Маргарита Федоровна, оглаживая ладонью тонкий шелк на рукавах. — Все-таки новому платью все женские возрасты покорны, что ни говори. Мелочь, а приятно. Да, в нем и пойду, пожалуй. Цвет неяркий, благородно-фиолетовый, как раз в тему. Достойно и печально, да.

— А куда вы собрались? В театр, что ли?

— Да какой театр? На похороны я иду. Сейчас вместе с вами позавтракаю и поеду. Как ты думаешь, платье в машине не помнется?

— Вы... идете на похороны?!

— Ну да.

Ника озадаченно уставилась на свекровь, забыв налить кофе в свою чашку. Так и держала кофейник в руке.

Вот всегда так. Всегда она застает ее врасплох. Загадочная женщина, непредсказуемая. Нет, в хорошем смысле, ко-

нечно, без всякого злого подвоха и без единой претензии. Наоборот, Маргарита Федоровна добра, умна, тактична, но в то же время остра на язык, насмешлива. Удивительно, как это все в ней совмещается? А может, в этом и состоит секрет их взаимной симпатии, что само по себе является большой редкостью, если рассматривать их отношения через лупу «невестка-свекровь»?

– Эй, на шхуне! Сейчас кофе за борт выплеснешь. Очнись.

– Ой... – тут же встряхнулась Ника, наливая кофе в свою чашку. – Я и впрямь задумалась.

Маргарита Федоровна хмыкнула и уселась за стол, нежно приподняв шелковый подол, подвинула Нике свою чашку:

– И мне плесни, задумчивая моя. Только немного. Мне много нельзя, давление поднимется. А день сегодня трудный, сама понимаешь. Похороны все-таки. Кстати, как я выгляжу? Может, мне по пути в салон заехать, свой старый фейс немного подрихтовать?

– Ну, Маргарита Федоровна... вы, как всегда, меня в ступор вводите. Даже не знаю, что сказать.

– Хм, а что тебя так смутило, дорогая?

– Да ничего, в общем. Просто я полагала, что...

– Да знаю я, что ты полагала. Хочешь сказать, на похороны по-другому собираются? В другом платье, с другим лицом?

– Ну в общем... Да...

– Так это смотря к кому!

– А кто умер, Маргарита Федоровна?

– Однокашник мой, Ленька Береговой. Да ты слышала, наверное, вчера в «Новостях» передали.

– Это что, тот самый?!

– Ну для тебя он, может, и тот самый. А для меня – просто Ленька. Ох, и веселый парняга в молодости был!.. Гитарист, бабник несусветный. Один бравый молодец на всю нашу девчачью институтскую группу. А умный какой! На лекции вообще не ходил. Как он объяснял: хватит с меня того, что я мужик и учусь в бабском педагогическом, зачем мне ваши занудные лекции? Зато экзамены сдавал на пятерки, а свою повышенную стипендию сразу пропивал, такой стол накрывал в общежитии! У нас день стипендии так и называли – день имени Леньки Берегового. И ты хочешь, чтобы я к такому веселому парню с кислой миной прощаться пришла? И чтобы траур на себя напялила? Да он бы мне этого никогда не простил! Нет, с Ленькой так нельзя, светлая ему память. Хоть сердце и горе испытывает, а лицо все равно веселым должно быть, я знаю. Я, как никто, его знаю и понимаю.

– Вы с ним дружили, да?

– И дружила, и любила, и обижалась, и ненавидела. Все было, что полагается. У меня ведь с ним на втором курсе роман был... Такой роман, как в кино, с настоящими счастливыми терзаниями. Даже до свадьбы дело дошло. Но свадьба так и не состоялась, потому что я сама, дура, хвостом вильнула. Молодая была, вредная и глупая. Представляешь, была бы сейчас не Тульчина, а Береговая. И ты бы тоже с другой

фамилией ходила. А что, звучит... Вероника Береговая...

– Ну что вы, меня вполне устраивает моя фамилия, Вероника Тульчина тоже неплохо звучит. Наверное, вся ваша институтская группа попрощаться придет?

– Да где там... Нас меньше половины осталось. В последние годы мои однокашницы мрут как мухи. Возраст такой, что ж поделаешь. Старость называется. Финал жизни.

– Ну по вам и не скажешь. Вон как вы лихо перед зеркалом гарцевали. В новом-то платье.

– Да, дорогая, так и есть. Ничего не поделаешь, я в такой возраст вошла, в котором чужие похороны – это единственный шанс показать новое платье. Да, после семидесяти приличные женщины собираются только на похоронах. Всему свое время, дорогая... Ты еще молода, ты не поймешь. Ты сейчас в другом женском времени живешь, тебе есть где показать новое платье, и слава богу. И пользуйся этим напропалую.

– Надо же... Никогда не задумывалась о временном отрезке для нового платья.

– Придет час – и задумаешься. Прошное легко режется на части, как свежий пирог. Это в будущее нож не воткнешь и не разрежешь, а прошлое, оно ж как на ладони. Вот кусок вечеринок и свадеб, там свои фасоны платьев – легкомысленные. Следующий кусок пирога – время возрастных кризисов, разводов и разочарований. Потом опять всплеск запоздалого романтизма – в поисках новой пары. Потом юби-

леи пошли... А после юбилеев уже похороны. Все те же лица практически, та же тусовка, что на свадьбах да юбилеях, только платья другие.

– Ой, не знаю, Маргарита Федоровна... Печально все это как-то.

– Да ладно! Чего печалиться-то? Все там будем, еще никого навсегда и навеки на земле не оставили! Я и на тот свет в новом платье отправлюсь, чтобы не повторяться. На том свете та же тусовка будет, сама понимаешь! Что ж я, в одном и том же платье-то?.. И здесь и там. И ты смотри, в старом платье не вздумай меня в гроб положить, поняла? Обязательно новое купи. Я потом нарисую тебе фасончик, ближе к обстоятельствам...

Ника закашлялась, поперхнувшись кофе. Маргарита Федоровна протянула костистый кулак, постучала ей по спине. Больно, будто молотком ударила. Ника хрипло вздохнула, замахала руками – не надо, мол, оставьте, сама справлюсь. И услышала за спиной насмешливый голос мужа:

– Правильно, мам, так ее, так, совсем невестка от рук отбилась. Учи ее уму-разуму!

Сева подошел, чмокнул мать в щеку, с улыбкой подмигнул Нике. Маргарита Федоровна не удержалась, продолжила игривый диалог:

– Да чего ее учить, только портить. Тут уж я без претензий к тебе, сынок. Хорошую ты себе жену оторвал, ни одного изъяна найти не могу. Вот уж семнадцать лет стараюсь, а не

могу. Видать, хорошо прячет изъяны-то, зараза.

– Да, хитра стерва, – ласково потрепал Сева жену по затылку, и Ника невольно потянула голову за его рукой, как изнеженная добрым хозяином кошка.

– А Матвей где? Спит еще, что ли?

– Ну да, спит... Скажешь тоже... – удивленно глянула на мужа Ника, – будто ты своего сыночка не знаешь! Соскочил ни свет ни заря, тренировку себе устроил. Да глянь в окно, сам все увидишь. У них в футбольной школе сегодня экзамен какой-то... Он говорил, я не вникла. Никак не могу смириться с тем, что такое завидное упорство отдано всего лишь футболу.

– Ну это ты зря. Футбол – это, знаешь ли, по-мужски. Футбол – это...

Сева не договорил, повернулся к окну, стал наблюдать за сыном, выделяющим на газоне фокусы с футбольным мячом. Ника сунула ему в руку чашку с кофе, подвинула тарелку с блинчиками.

– Ну что, что футбол, Сева? И сам не знаешь, что сказать. Совсем свихнулись вы оба на этом футболе, что отец, что сын. Сева, ты слышишь, что я говорю?

– Вот, ага... Молодец... Давай, давай, получается... – тихо забормотал Сева, не обращая внимания на замечание жены. Скорее всего, он его и не слышал. Подавшись корпусом вперед, продолжал бормотать себе под нос: – Так, так... Молодец, сынок... Отлично...

– Ну все, завис папаша, – махнула рукой Маргарита Федоровна, тоже повернувшись к окну. – Я, между прочим, Нику в этом вопросе поддерживаю. Что это за увлечение такое у ребенка? Совершенно вредное увлечение, я считаю. Не дай бог, шею себе сломает. Лучше бы математикой увлекся или физикой. Учительница в гимназии говорила, у него способности к точным наукам.

– Одно другому не мешает, мам. Если способности есть, они никуда не денутся, – уверенно произнес Сева.

– Ну не скажи! Еще как денутся! Их же развивать надо, а ты этим футболом всю картину портишь. Потакаешь сыночку любимому! Вон, еще и ворота футбольные поставил, весь вид у газона испортил. Это же загородный дом, а не стадион, между прочим. Я не хочу жить на стадионе!

– Мам, не ворчи.

– А я что, ворчу? Я никогда не ворчу, сынок, я говорю чистую правду. Был приличный газон, а теперь нате вам – футбольное поле. Может, и впрямь из нашего уютного дома стадион с трибунами сделаем и зрителей позовем?

– У футбола нет зрителей, мам. У футбола болельщики.

– Тем хуже для футбола! Потому что нынче слово «болельщик» ассоциируется только с хулиганьем! И вообще... Когда я слышу по телевизору эти дурацкие сообщения, что какой-то там футбольный клуб хочет купить некоего игрока, мне всегда кажется, что речь идет не о футболе, а о жизни борделя. Ты ведь не хочешь, чтобы твоего сына покупали,

правда?

– У тебя извращенное представление о футболе, мам.

– Ну какое уж есть! Нет, что ни говори, дорогой сынок Всеволод, а я возражала и буду возражать.

Дорогой сынок Всеволод маму уже не слышал. И жену не слышал, которая настойчиво предлагала ему попробовать блинчики. Вкуснейшие, между прочим. С ветчиной и сыром.

– Да не голову, а плечо надо было подставить! Сынок! А-а-а... Ну что же ты... – досадливо потянул руку к окну Сева, чуть не опрокинув на себя чашку с кофе.

– Боже мой, сколько эмоций. Ты же серьезный человек, Всеволод. Ника, скажи ему, – строго потребовала Маргарита Федоровна, повернувшись к невестке.

Ника улыбнулась, пожала плечами. Она-то знала, как развлекается свекровь, изображая из себя «строгую мамку». И давно научилась подхватывать эту шутовскую тональность, что называется, на лету.

– Сева, не надо нервничать с утра. Сегодня трудный рабочий день. Тебя ждут великие дела, Сева! – проговорила она весело.

Муж повернул голову, глянул так, что Ника тут же залилась тихим смехом, откинув назад голову. Маргарита Федоровна тоже рассмеялась, но более сдержанно, успев подмигнуть Нике.

– Пойду-ка я к сыну, скучно мне с вами... – тихо проговорил Сева, еще раз пробежав глазами по лицам жены и ма-

тери.

Они улыбнулись ему в ответ. Одинаково улыбнулись. Поэтому что слышали за этим «скучно» то, что должны были слышать: «Как же я вас люблю, мои женщины...»

– Иди, иди, – сердито махнула рукой Маргарита Федоровна. – С утра мяч по полю не погоняешь, весь день как оплеченный ходишь, я ж понимаю.

– Сев, а блинчик? – потянула ему вслед тарелку Ника. – Даже не попробовал.

Вскоре они уже вместе наблюдали, как резвятся на газоне отец с сыном. Сева стоял в воротах, Матвей с удовольствием забивал один мяч за другим, не жалея отцовского самолюбия.

Маргарита Федоровна вдруг произнесла, уже без тени иронии:

– И впрямь, Ника... Зря ты это допускаешь. Матвей слишком этой ерундой увлекся. Зря. И Сева ему зря потакает.

– Но что делать, если ему хочется?... – пожала плечами Ника.

– Кому? Севе?

– Нет. Матвею. Вы же про Матвея говорите?

– Ну да... Про Матвея, конечно. Про Севины хотения что говорить, с ними все понятно. А вот на Матвея можно еще повлиять.

– Да как я на него повлияю, Маргарита Федоровна? Я ж говорю – что делать, если ему хочется?

– Ну хочется... Мало ли что хочется, он же ребенок. А ты мать, ты должна смотреть дальше. Мать определяет будущее сына.

– А отец что, не определяет?

– Ну отец... Не знаю я про отца. Я ведь одна Севу растила, совсем одна, даже без бабушек и дедушек, мне не на кого было ответственность за его будущее переложить. Конечно, когда без отца, это плохо, спорить не буду... Вон сколько у Севки осталось нереализованных детских фантазий, тоже ведь футболом бредил...

– Это не фантазии, Маргарита Федоровна. Это мужской мир. Нам не понять.

– Да где уж нам, глупым бабам! Да только я в свое время проявила материнский волюнтаризм и решила, что головой мужику работать как-то сподручнее, чем ногами. Что ноги? Ноги, ноги... Поскользнулся, упал, очнулся – гипс... И с приветом, карьера твоя закончена. А голова, знаешь... Это как-то надежнее... И ведь получился толк из Севки-то, а? Вон какой мужичище. А умище какой – складывать некуда. И все, что полагается в жизни, сделал: и дом построил, и дерево посадил, и сына родил...

Маргарита Федоровна замолчала, будто захлебнулась, робко взглянула на невестку. Короткая молния-неловкость вспыхнула разрядом на долю секунды и тут же погасла. Ника тоже молчала, покусывая губу. Глядела в окно на мужа и сына, прищурившись.

И откуда она взялась, эта молния-неловкость? Такое меж ними было небушко голубое, насмешливо-ласковое, и никакого предчувствия грозы. Да будь она неладна, эта неловкость! Что теперь делать-то с ней?

– Все хорошо, Ника. Все отлично, слышишь? Прекрати... – тихо, но твердо проговорила Маргарита Федоровна. – Мы все правильно с тобой решили. Ты посмотри на них, посмотри. Абсолютно счастливые люди, отец и сын. Все правильно, слышишь?

– Да, Маргарита Федоровна, я слышу.

– Ну вот и хорошо! Чего ты вдруг суксилась?

– Не знаю, Маргарита Федоровна. Вдруг отчего-то сердце сжалось, как от дурного предчувствия.

– Прекрати. Никаких предчувствий знать не хочу! И все, и не будем больше об этом! Ни слова больше, поняла?

– Да, поняла.

– Вот и отлично. Ладно, я к себе поднимусь, мне еще пару звонков сделать нужно...

Маргарита Федоровна ушла, оставив Нику одну. Может, зря она это сделала. Может, если бы не ушла, удалось бы захлопнуть лазейку в тот памятный для обеих разговор... Такой давний, что теперь казалось, будто его и не было. И вообще ничего не было.

Много ли прошлому надо, чтобы разбередить память? Всего несколько минут, пока за окном резвятся муж и сын...

Никогда не знаешь, какое испытание придумала для тебя судьба. Ей, судьбе, все равно, в каком возрасте пребывает испытываемый, и по силам ли ему... Или ей. И что бежит она, к примеру, первого сентября в школу и знать не знает, что через десять минут придет конец ее пятнадцатилетней беззаботной жизни и наступит жизнь вполне взрослая, отягощенная драматическим счастьем, имя которому — любовь... А что? Джульетте, между прочим, тоже четырнадцать лет не было, когда она подверглась вполне взрослому испытанию. Чем же эта лучше, рыже-кудрявая конопатая пигалица по имени Ника?

И он тоже на Ромео был не похож. Никаких тебе смоляных итальянских кудрей, ни горящего взора, ни пылкого темперамента. Обычный на первый взгляд мальчуган. Белобрысый, худой и длинный, и голову держал заносчиво, как и следовало новичку. Мало ли, как в новой школе встретят.

А класс у них спокойный был, девчачий в основном. Каждый мальчик — на особом счету. Как новенького могли встретить? Конечно, хорошо встретили, с доброжелательным кокетливым любопытством. Томка на правах первой красавицы сама подошла, спросила вполне дружелюбно:

— Тебя как зовут, новенький?

— Антон.

– Ага. А чего такой скромный?

– Почему скромный? Нормальный я.

– Ну да... Я подошла, а ты глаза опустил и покраснел.

– Да ладно... Тебе показалось.

– Хорошо, пусть показалось. А чего не спрашиваешь, как меня зовут? Это даже неприлично, знаешь ли. Обидно. Девушка сама к тебе подошла, познакомиться хочет, а ты даже имени у нее не спросил.

– И как тебя зовут, обидчивая девушка?

– Тамарой меня зовут. А с кем ты хочешь сесть рядом? Уже присмотрел кого?

– Да мне все равно как-то.

– Ну если все равно... Тогда можешь сесть за одну парту с Никой, моей подругой. Считай, повезло тебе! И не смотри, что она рыжая, – это нормально, рыжий цвет волос на сегодняшний день в моду вошел. Некоторые специально красятся, а у Ники он свой, природный. И вообще, она у нас отличница, к тому же не вредная, всегда списывать дает.

– А чего сама с подругой за одну парту не садишься, если она такая рыжая и вся из себя распрекрасная?

– Да я бы с радостью, только мой парень обидится. Его Лёва зовут. Он тоже умный, умнее Ники в сто раз, так что я не внакладе, сам понимаешь.

– Чего ж не понять? Понимаю, конечно.

– А девушка-то у тебя есть, новенький? Или свободен пока?

– А зачем тебе это знать? У тебя ж умный Лёва есть.

– Ладно, не ревнуй. Поглядим потом, кто умнее. После школы все вместе гулять пойдем – я, Лёва, ты и Ника. Расскажешь, кто ты есть да откуда, каким ветром тебя занесло. Давай, садись к Нике... Слышишь, звонок прозвенел?

Томка игриво подтолкнула новенького, и он уселся рядом с Никой нехотя, по-прежнему сохраняя на лице выражение заносчивости: мол, не подумай чего, рыжая, не особо и хотелось рядом с тобой за одну парту садиться, так уж вышло.

Она и не думала. Она вообще ни о чем думать не могла. Сидела, опустив голову, и слушала, как стучит перепуганное сердце. Уговаривала себя не умирать.

Наверное, Джульетте в этом смысле жилось легче. Джульетта не была рыжей. А кирпичный румянец на фоне рыжих волос – это же катастрофа! Он из обычной девчонки в один миг может страшилище сотворить. Вот сейчас новенький повернет голову, приглядится... Да, это будет катастрофа. Конец жизни. И Томка тоже хороша, подруга, называется! Хотя она как лучше хотела, это понятно.

Где-то там, за пределами катастрофы, высокими нервными нотками звенел голос исторички Елены Александровны, по совместительству классной руководительницы. Из-за этого голоса историчка и получила свое законное прозвище – Истеричка. В самом деле, чего уж так нервничать-то? Как говорила Томка: никто в педагогический после школы не гнал, могла бы в другой какой институт податься, более прилич-

ный. Глядишь, и замуж бы выскочила.

У Томки, кстати, все разговоры были только об этом. Томка искренне полагала, что без удачного замужества женщины как таковой вообще не существует. Потому что настоящая женщина в принципе не должна заниматься всякой ерундой, то бишь суесться с получением образования и добычей хлеба насущного, а должна быть при муже, при доме и при готовом мужнином богатстве, и хоть умри, но этими тремя составляющими себя обеспечить смолоду, а то потом поздно будет. Ника была с ней в корне не согласна, но помалкивала, потому что спорить с Томкой было себе дороже.

Когда прозвенел звонок, новенький повернулся к ней, спросил озабоченно:

– Я не понял... С тобой все в порядке? Может, не хочешь, чтобы я с тобой рядом сидел?

– Нет, почему... Сиди... – прошелестела она едва слышно, трогая себя за щеки.

– Я думал, злишься.

– С чего ты взял?

– Ну такая красная вся... Может, у тебя аллергия на первое сентября?

Ника рассмеялась в ответ, и стало легче. И Антон снисходительно улыбнулся, сняв с лица маску заносчивости.

– А эта училка всегда таким пыточным голосом разговаривает, да? – кивнул он в сторону Елены Александровны, вышагивающей к двери с классным журналом под мышкой.

– Всегда. Поэтому мы ее Истеришкой зовем.

– Хм... Историчка по прозвищу Истеричка. Здорово. А кто придумал?

– Лёва придумал. У него мать отделением в психиатрической клинике заведует. Говорит, как-то само собой такое прозвище наваяло.

– Смешно...

– Ага.

– А у тебя красивое имя – Ника. И веснушки классные. И волосы. Зря ты стесняешься, что они такие рыжие. Ведь стесняешься?

– Да, есть немного.

– Зря! У меня мать парикмахером всю жизнь работает и говорит, что рыжий цвет волос – это подарок. А у тебя они еще и выются мелким бесом... Классно со стороны смотрится. Правда. Они сами выются или ты их накручиваешь?

– Сами.

– Ну вот, видишь! Наоборот, гордиться надо, а ты стесняешься. Я думаю, это твоя подруга внушила тебе такой комплекс, чтобы ты ей конкуренцию не составляла.

– Томка? Да ну... Томка не такая. Она добрая вообще-то.

– Не знаю, может, и добрая. А только законы психологии одинаковы для всех – и для добрых, и для злых. Она тебе завидует и внушает мысль, чтобы ты свое место знала и не высывалась.

– Психологией увлекаешься, да?

– Нет, что ты. Просто у меня глаз на ситуацию свежий. Пойдем после школы гулять? Город мне покажешь.

– Так мы и хотели после школы... Все вместе... И Томка с Лёвой тоже пойдут.

– Нет, лучше вдвоем. Я не люблю компаний, внимание теряется. Как последний урок закончится, смываемся сразу после звонка, не оглядываясь. Ага?

– Ладно, договорились.

Томка потом обиделась, конечно. Хотя это было уже не важно. Потому что с того самого дня Никина жизнь раскололась на две части – основную и факультативную, и основная часть была посвящена Антону. Может, он и не стремился занять эту часть всецело и основательно, но как получилось, так получилось. Просыпалась – и все мысли были о нем. И перед зеркалом торчала ради него, пытаюсь уложить волосы так, чтобы ему нравилось. Даже позавтракать не успевала. Какой завтрак, боже мой, это ведь несовместимо, где-то оскорбительно даже! Ее Антон у школы ждет, а она должна овсянку по тарелке размазывать! Мама сердилась и удивлялась, конечно. Хотя мама с ее сердитым удивлением тоже осталась в той, факультативной, жизни.

А ведь мама уже болела тогда. Худела, таяла, как свечка. Пыталась бороться с быстротекущей онкологией, в больнице лежала, но, видать, сил не хватило... И от родной дочери поддержки не было. Потому что не верила дочь, что с мамой может случиться что-то плохое, потому что на фоне влюб-

ленности все плохое теряет смысл, его будто совсем нет. И быть не может. Не имеет оно права на существование. Если бы она тогда опомнилась, если бы ума хватило увидеть, приглядеться, что-то сообразить! Или мама сама бы сказала, вернула ее с небес на землю. Ведь не сказала. Пожалела. Поняла. Простила. Зачем дочке первую любовь омрачать? А может, это ее судьба? Мальчик вроде хороший. Вежливый такой. И на Нику смотрит влюбленными добрыми глазами.

До самого выпускного они, влюбленные, так и проходили, взявшись за руки. Нет, вовсе не были их отношения платоническими, отнюдь... Да и не могло быть по-другому. Жизнь впереди виделась только совместная, и никак иначе. Любовь же. Институт закончат, потом поженятся. Все по плану, без торопливого сумасшествия. Это любовь пусть будет сумасшедшей, если так повезло и она случилась, а жизнь есть жизнь, и обед в ней должен быть по расписанию.

Они вместе так и рассуждали. И ужасно собой гордились – какие умные и взрослые, куда там. Нику не смутила реакция Антона, когда он узнал, что они с мамой живут на съемной квартире...

Да, так получилось, жили на съемной. Мама ушла от отца, когда Ника была еще маленькой. Как мама потом рассказывала, – не от отца, скорее, ушла, а от его мамы. Не сложились отношения со свекровью, не захотела та от себя сына оторвать. И невестку бывшую вслед прокляла, и внучку больше видеть не захотела. И такое бывает. Отец потом женился и

снова развелся... Да и какой это отец? Так, одно название. Даже с днем рождения забывал поздравить. Ну да бог с ним. Сейчас живет сам по себе и никакая дочь Ника ему не нужна. Вообще никто не нужен, как выяснилось. Человек нашел свое счастье в полном и безоговорочном одиночестве, снял квартиру на окраине города и живет. И такое тоже случается.

– ...И что, вы с матерью после развода так и живете в съемной квартире? И перспектив никаких нет? – удивлялся Антон.

– Какие перспективы, ты о чем? – весело отвечала Ника. – Разве не знаешь, что для одинокой женщины с ребенком это практически невозможно – квартиру купить?

– Да знаю, знаю. Моя мать, когда с отцом разводилась, с боями себе однокомнатную квартиру выцарапывала. Отец не соглашался на размен, квартира-то ему от родителей досталась. Но мать у меня настойчивая, своего не упустит. Если что задумает, прет напролом, как бульдозер. И правильно, я считаю. Иначе бы тоже сейчас в съемной квартире мыкались.

– Нет, моя мама не такая... – задумчиво качнула головой Ника. – Да мы и не мыкаемся, мы нормально живем. Правда, мама работает много... Я даже в институт на вечернее отделение хотела поступать, чтобы тоже работать, а вечерами учиться. Но потом передумала.

– Чего ж передумала?

– Хм... А кто тебе задание на экзамене по математике поможет решить? Пушкин, что ли?

– Ну да... Ты права. Что б я без тебя делал, рыжая.

– Да пропал бы на фиг!

– Конечно, пропал бы. Ты ж мое солнце, которое всегда светит – и ночью и днем. Дай, конопушки посчитаю, проведу инвентаризацию... Одна, вторая, третья... Вроде все на месте, слава богу.

Антон после школы решил поступать в политехнический институт, и у Ники сомнений не было с выбором. Конечно, она туда же. На тот же факультет. Пусть металлургический, и что? Все равно ведь на экзамене надо было Антону помочь, то есть решить его задания, потом успеть свои.

Все успела. Оба задания сделала. Напряжение в голове было такое, что впору надпись на лбу писать: «Не прикасайся, убьет!»

Когда увидели себя в списках принятых, – так радовались! Ника позвонила своей маме, Антон – своей. Никина мама приняла сообщение дочери довольно сдержанно, потому как не особо одобряла подобное самопожертвование, хотя и ради любви, хотя и для хорошего мальчика... Мама Антона, напротив, проявила излишне бурную радость, пригласила отметить это событие в кафе, и немедленно! Ради такого случая и с работы отправиться можно!

В кафе она с умилением глядела на сына, смахивала из уголка глаза набежавшую слезу. Потом тихо пооткровенничала, когда Антон отлучился в туалет:

– Я так благодарна тебе, дорогая... Так благодарна! Ан-

тошка ведь не семи пядей во лбу, сама знаешь. Без тебя бы он ни за что в институт не поступил.

– Ну что вы, Людмила Сергеевна... Он очень умный... Просто всегда волнуется в самую ответственную минуту и не может ничего сообразить. Нет, он очень умный.

– Да ладно, знаю я, что говорю. Спасибо тебе, конечно. Я ведь и не мечтала, чтобы мой сынок высшее образование получил. А что делать? Жизнь – такая сложная штука. Все кручусь, кручусь... Не знаешь, как хлеба кусок добыть, уж не до жиру... А теперь и сама не верю! Мой Антоха – не абы как, а студент престижного политехнического! Я ж знаю, какой там контингент учится! Это ты его надоумила туда поступать?

– Нет, он сам этот институт выбрал. Правда, на металлургическом факультете самый низкий проходной балл был.

– Да это неважно... Сам выбрал, говоришь? Это ж надо!.. Людмила Сергеевна хмыкнула, потом глубоко задумалась, глядя куда-то мимо Ники. Потом усмехнулась, произнесла тихо, будто самой себе:

– А вообще он такой, да. Он сам себя в жизни продвинет, я знаю, хоть и не семи пядей во лбу. Есть в нем жилка особенная, знаешь, сволочинка-изюминка этакая. На чужом горбу в рай въедет.

– Ну что вы говорите, Людмила Сергеевна! Нет в нем никакой сволочки. Антон добрый и честный, что вы.

– Ишь, защитница! – снова усмехнулась Людмила Серге-

евна. – Смолоду все мы, бабы, такие, только бы мужика своего защитить да оправдать... Смотри не обожгись дальше-то. Хитрее надо с ними себя вести, понимаешь? Ой, хитрее.

– Я не обожгусь. И никакой хитрости мне не надо, потому что мы с Антоном любим друг друга.

– Да любите, что ж... И бог вам в помощь. А только все равно мужикам доверять нельзя, тем более если любишь. Они этим делом шибко пользуются, по себе знаю.

– У нас так не будет.

– Не будет, не будет. И ладно, коли так. Слушай, вот я все спросить у тебя хочу... Это правда, что у вас с мамкой своей квартиры нет? На съемной живете?

– Да, правда. А что?

– Да так, ничего... Оба, значит, с Антохой бессребреники. Рыбак рыбака видит издалека. Богатый к богатой тянется, а нищета к нищете. Ты уж не обижайся на меня, это я так, от обиды на судьбу говорю.

– Я не обижаюсь. И вы не переживайте, Людмила Сергеевна, у нас все со временем будет.

– Да откуда? С неба упадет?

– Мы... Мы заработаем. Да и вообще... Неважно это все.

– Эх, милая... Глупая ты еще. Думаешь, если любишь, так все остальное неважно. Ничего, жизнь научит, что к чему, дай срок. Ей, жизни-то, наплевать на вашу любовь, по большому счету.

Накаркала Людмила Сергеевна и про жизнь, и про «на-

плевать», и про любовь тоже накаркала. Перед зимней сессией мама у Ники в очередной раз угодила в больницу с болезненным приступом, да так из нее и не вышла. Умерла на операционном столе. Врач сказал: затянула со сроками, надо было раньше под нож ложиться. Ника сидела, смотрела врачу в глаза и не верила. И потому не плакала. Просто молчала.

– Тебе кто-то может с похоронами помочь? Кто-то из родственников еще есть? – вздохнув, спросил врач.

– Есть... Бывший мамин муж, но ведь он не считается родственником?

– А он твой родной отец?

– Да, но... Это тоже как бы не считается.

– Понятно, можешь не продолжать. А еще кто?

– Мамина сестра из Владивостока. Но она вряд ли прилетит, это дорого.

– Да, дорого, – согласился врач. – А если поездом, то не успеет. А еще кто?

– Все, больше никого нет.

– Тогда давай вернемся к отцу. Может, стоит ему сообщить?

– Нет. Я даже телефона его не знаю. Да и не будет он с похоронами помогать, можно и не спрашивать.

– Тогда кто будет помогать?

– Парень мой будет помогать. Антон. Он... Он в любом случае меня поддержит...

– Парень – это хорошо. Но в таком деле, знаешь ли, нужна

поддержка другого рода. Денег у тебя, конечно, тоже нет?

– Только то, что дома... До маминой зарплаты осталось. А у меня зарплаты нет, только стипендия, я на первом курсе учусь. А сколько денег надо?

– Много надо, милая. Ладно, придумаем что-нибудь. Я договорюсь с ребятами из морга, у них какие-то алгоритмы действий предусмотрены для таких случаев. Иди пока, документы собирай. Я вот тут написал на бумажке, что нужно... Если похоронные агенты будут звонить и домогаться, так и говори – денег нет. Ни копейки. Поняла?

– Да, поняла.

– Иди...

Маму похоронили кое-как. Отец не пришел, хотя Ника телефон его нашла, позвонила. Сказал, что не в городе сейчас находится, в командировке. Приедет – перезвонит. И первым отключился. Она не стала больше его беспокоить, бог с ним... Мамины подруги пришли, сотрудницы с работы. Еще соседи по лестничной клетке, пара пенсионеров. Деньги какие-то собрали, небольшие, но все-таки. Да, еще квартирная хозяйка зачем-то явилась. Вздыхала, глядела на Нику внимательно, будто примериваясь, когда ее из квартиры выгнать, сразу после поминок или подождать немного ради приличия. Потом ушла, так ничего и не сказав. Решила подождать, видно.

Ну и Антон, конечно... Антон все время был рядом, держал за руку.

Соседка, добрейшая Лидия Петровна, помогла убрать со стола после поминок. Спросила, обернувшись от мойки, наполненной грязными тарелками:

– Как дальше жить думаешь, Вероничка? С квартиры-то, я думаю, тебя погонят... Платить ведь надо... Знаю я твою квартирную хозяйку, давно в этом доме живу. Та еще стерва, до денег жадная, своего не упустит. И паренек твой молод еще, а то б женился, к нему бы переехала, поди...

– Нет, к нему нельзя. Они с мамой в однокомнатной квартире вдвоем ютятся, сами понимаете.

– Понимаю, понимаю... Но в тесноте, говорят, не в обиде. Ты поговори-ка с ним, как да что. Может, и впрямь женится.

– Нет, Лидия Петровна, я так не могу, что вы. Мы позже планировали пожениться, после института. Как же я... Да и мама его не согласится... Нет, я не могу.

– Да понимаю, можешь не объяснять. В таком деле разве можно самой навязываться? А с другой стороны – что делать-то дальше будешь, где жить станешь? Я могу тебя, конечно, у себя приютить, но ненадолго, ко мне сын с семьей скоро приедут.

– Спасибо, Лидия Петровна, я здесь останусь. Я на вечернее отделение переведусь, работать пойду. За квартиру сама буду платить.

– Ну-ну... Тоже выход. А с работой я тебе могу помочь. У моей подружки внучка работает в приличном месте, на фирме какой-то, платят там хорошо. Но внучка в декрет собира-

ется, замену себе ищет.

– А что за работа? Может, я не справлюсь. Я ж не умею пока ничего.

– Так в том-то и дело, что работа самая простая, ума много не надо! Курьер она там, а в перерывах между беготней полы моет да столы протирает! Но зато две зарплаты платят, за курьера и за уборщицу. Ничего, жить можно. А какую работу еще найдешь? Сейчас вообще с работой трудно... Тем более ты вчерашняя школьница, сама говоришь, еще не научилась ничему. Нет, я бы долго не раздумывала на твоём месте...

– Ой, да я и не раздумываю! Наоборот, очень вам благодарна. Только мне бы сессию за первый семестр сдать да перевод на вечернее оформить... Успею, нет?

– Успеешь, конечно. Внучка-то у моей подруги аккурат через месяц в декрет пойдет. Так что... Да я оставлю тебе её телефон, сама завтра и позвонишь, скажешь, что от меня. Только позвони обязательно, прямо с утра, иначе уплывет место, а другое пойдёшь поищи. Лариской её зовут, внучку-то. Она девка простая, общительная, все тебе объяснит.

– Спасибо вам, Лидия Петровна. Спасибо. Даже не знаю, как вас благодарить.

– Да ладно, тебе нынче не до благодарностей, я думаю. Вот устроишься на работу, потом и с благодарностями разберемся. Деньги-то у тебя есть на первое время?

– Да, немного осталось.

– Смотри. Если что, выручу. Конечно, я не богатейка,

сама понимаешь, но сколько смогу. А парнишонок-то где твой? Убежал уже, что ли? Больно быстро, будто волной его смыло!

– Нет, он не убежал, просто ушел. У него мама болеет, попросила прийти пораньше.

– Что, не жалует тебя будущая свекровка?

– Почему? Я ж говорю – болеет.

– Ну-ну. А только учти, милая, мамки-то у парней нынче такие – все хотят своему сыночку богатую невесту. А ты, погляди-ко... Ни кола ни двора, и поучиться толком не вышло. Да еще и без материнского пригляда осталась. Какая из тебя невеста? Глазом зацепиться не за что.

– Зря вы так говорите, Лидия Петровна. У Антона мама не такая. Она добрая и умная. Она знает, что мы любим друг друга.

– Ну и хорошо, и хорошо. Рада буду, если ошиблась. Я ведь о тебе пекусь, Вероничка, сиротинушка ты моя, чтобы не шибко верила парнишонку-то. Поглядела я на него и честно тебе скажу: не шибко он мне понравился. С лица да с фактурки справненький, конечно, а глаза испуганные. Сидел за столом перекрученный весь, не чаял, как сбежать.

– Так ведь похороны, Лидия Петровна. Это он от сочувствия перекрученный.

– Ну ладно, тебе виднее. А я что вижу, то и говорю, не задумываясь, какой с меня спрос? Ладно. Тебе жить. Да и надоела тебе своей болтовней, наверное. Пойду я, Веронич-

ка, устала сильно, спина болит. Уж ты дальше сама, посуды немного осталось... Перемоешь?

– Спасибо, Лидия Петровна. Спасибо вам за все.

– Да не благодари, бог с тобой. И не сердись на старуху, если что не так брякнула.

– Я не сержусь, что вы.

Соседка ушла, Ника осталась одна. Перемыла оставшуюся посуду, убрала в шкаф. Подошла к окну, стала глядеть, как метет по асфальту под фонарем декабрьская поземка. Потом заплакала тихо, обняв себя руками. Холодно на душе... И страшно... И до сознания еще не дошло, что мамы нет. И Антон ушел... Так быстро ушел, будто обрадовался поводу уйти. Еще и Лидия Петровна разбередила душу своими намеками. Ну какое ей дело, кто ушел, когда ушел? Что за болезненное любопытство к чужой жизни? Еще и слезы никак не остановишь, все бегут и бегут по щекам.

Однако плачь не плачь, а дальше жить надо. И силы экономить надо. И деньги тоже. Денег мало совсем осталось, можно сказать, ничего не осталось. И расклеиваться нельзя, надо собраться в кулак и сдать сессию, потом на вечернее отделение перевестись. Жалко, что Антону пришлось уйти... Как ей сейчас нужно, чтобы он был рядом! Чтобы подошел сзади, обнял за плечи, тихо прошептал на ухо: я с тобой, я рядом. Я всегда буду с тобой, ты же знаешь.

Может, позвонить ему? Хотя бы по телефону голос услышать?... И эти самые слова: я всегда буду с тобой...

Трубку взяла Людмила Сергеевна, ответила слегка раздраженно:

– Да бог с тобой, он спит уже! Ты на часы-то смотрела? Ночь на дворе!

– Извините, Людмила Сергеевна.

– А чего хотела-то? Может, срочное что-то?

Ника вздохнула, снова чуть не расплакалась. Действительно, чего она хочет, что у нее за дело? Тем более – срочное? Когда не знаешь, как и чем жить дальше, когда горе не дает сделать лишний глоток воздуха – это срочное дело или нет? Наверное, не срочное... Просто – твое. И не надо ничего объяснять, если так.

Ничего не ответила, просто положила трубку. И опять расплакалась. Плакала, пока стелила постель, пока раздевалась. Под одеялом тоже плакала. Слышала, как завывает за окном декабрьский ветер. Такой же злой, как равнодушный вопрос Людмилы Сергеевны: «А чего хотела-то, может, срочное что?...»

Сессию Ника сдала кое-как, на тройки. Антон и того хуже – завалил два экзамена. Хотя она старалась ему помочь. Но как поможешь на устном экзамене, когда с преподавателем надо сидеть лицом к лицу? Вот если бы письменный был. Взяла бы его задание и решила, а так... Будто виноватой себя чувствовала, что помочь не смогла. Глупо, конечно. Неправильно. Хотя любой человек в горе чувствует себя глупо и неправильно, будто из-за него это горе случилось, и транс-

лирует свое чувство вины куда ни попадая.

Антон, конечно, был рядом, но все время почему-то молчал. Видно, что ему было неловко пребывать в пространстве ее горя. Не знал, как утешить, что сказать. Будто стеснялся прежних эмоциональных порывов, которые были в той любви, еще беззаботной. Однажды она спросила в лоб:

– Антон... Ты меня разлюбил?

Он посмотрел с обидой, разбавленной удивлением:

– Ник... С ума сошла? Как я могу тебя разлюбить? Я всегда буду тебя любить, ты же знаешь.

– Тогда... Может, переедешь ко мне? Будем всегда вместе.

– Да я бы рад, но мать, боюсь, не одобрит. У нее свои понятия на этот счет, домостроевские, и ничего с этим не поделаешь. Я ведь, пока учусь, на ее шее сижу.

– Выходит, мы совсем с тобой видаться не будем? Днем я работать буду, вечером в институте торчать.

– Но ведь это не навсегда, Ник? И вообще... Главное, мы любим друг друга. Давай я буду встречать тебя после учебы каждый вечер? А потом домой провожать? Хочешь?

– Хочу.

– А на четвертом курсе мы поженимся. Или на пятом. И будем всегда вместе. Я так тебя люблю.

Поначалу он и впрямь встречал ее каждый вечер. Иногда и после работы встречал, провожал до института. Смотрел жалостливыми глазами, прижимал к себе, пока ехали в промерзшем автобусе. Спрашивал про работу.

А что было про нее спрашивать? Даже и рассказать нечего. Туда ходи, сюда не ходи, принеси то, отнеси это. В перерывах – резиновые перчатки на руки, ведро с водой и швабра, и вся офисная суета будто мимо клубится, ее и не замечает никто. Спроси, как зовут, – не вспомнят. Да, в общем, не больно-то и хотелось, чтобы помнили. Самое неприятное было то, что начальник выходных не любил и всех призывал к не обязательному, но умеренно оптимистическому трудо-голизму. Если перепадало когда свободное воскресенье, – за счастье можно было считать. Но зарплату платил вовремя, и довольно приличную. Как говорится, и на том спасибо, что ж... Да и не только спасибо, а низкий поклон в ножки, потому что квартирная хозяйка ни одного дня без выплаченного за следующий месяц аванса не пережила бы, выставила за дверь без лишних объяснений.

А потом Антон встречать Нику перестал. Не вдруг, а как-то постепенно – через раз, через два... Отговаривался занятостью, в глаза не смотрел. Она чувствовала: случилось что-то. Приставала с тревожными расспросами. А он только обнимал да прижимал к себе сильно, и она слышала, как виновато и тревожно бьется его сердце. Однажды попросил грустно:

– Ник... Не ходи в институт, поедem к тебе, а? Я так скучаю.

В ту ночь он остался у нее. И они любили друг друга так, будто наутро должны были умереть, как Ромео и Джульет-

та. В какой-то момент Нике показалось, что глаза у Антона мокрые от слез.

– Ты... Ты чего? Ты плачешь?

– Нет... Нет. Я люблю тебя. Ты это всегда помни, ладно? Чтобы ни случилось.

– Да что такое должно случиться? Не пугай меня, Антон!

– Ничего, ничего... Но все равно помни: я тебя люблю, Ника. И всегда буду любить.

После той ночи он пропал. Не встречал больше. И домашний телефон не отвечал. Нике пришлось брать отгул на работе и ехать среди дня в институт. Бывшие однокашники вывалились из аудитории, глядели на нее удивленно:

– Антон? А ты разве не знаешь? Его неделю назад отчислили, он экзамены с зимней сессии пересдать не смог. Вернее, и не пытался даже. Сам в деканат принес заявление на отчисление, документы забрал. А вы что, расстались? Вроде любовь была. Жалко... Видели его тут с одной. Но говорят, не из нашего института, вообще неизвестно, кто она и откуда. Вся из себя такая... Фифа блондинистая.

Она улыбнулась и кивнула, будто в курсе была относительно той, которая «вся из себя такая» и «фифа блондинистая». Потом развернулась и пошла прочь. Сил не было слушать дальше. Сил не было поверить.

На улице остановилась – куда идти-то? И что делать? Надо ведь что-то делать?.. Правду узнать. В конце концов, она имела право.

На улице сиял майский день, отражаясь в лужах, оставшихся от недавно пролитого дождя. Чистая листва на деревьях была вызывающе юной и свежей, небо – голубым и прозрачным, и было ужасно неприлично нести свое изумленно несчастное лицо мимо такого праздника. Лицо, которое боится узнать правду.

Ноги сами принесли ее к дому Антона. Ника поднялась на третий этаж, решительно нажала на кнопку звонка...

Открыла Людмила Сергеевна. Волосы перетянуты косынкой, на щеках и под глазами огуречные круги прилеплены. Для освежения лица, стало быть. Стояли молча, глядели друг на друга. Потом Людмила Сергеевна отлепила от щеки один кружок, сунула в рот, задумчиво прожевала. А прожевав, отступила на шаг, тяжело вздохнула и мотнула головой – заходи, мол. Ника шагнула в прихожую, сняла туфли, сунулась было в комнату, но Людмила Сергеевна проговорила тихо, будто извиняясь:

– Да нет его дома. Одна я. Пойдем на кухню, чаю попьем.
– Спасибо, я не хочу...
– Ладно-ладно, не отказывайся, тебе обязательно чаю надо выпить, сладкого и крепкого. Погляди в зеркало, сама своей бледной зелени испугаешься. Тоже, нашла о ком переживать. Да у тебя знаешь сколько таких будет? Только глазом моргни. Ты ж красавица, у тебя голова светлая! А волосы! Да за такие волосы полжизни отдать можно! Я ж говорю – только глазом моргни.

– Я не хочу моргать глазом, Людмила Сергеевна. Мне больше никого не надо, я Антона люблю. Вы же знаете.

– Ну заладила, как попугай! Да что ты знаешь о любви-то, соплюха рыжая? Любовь – это не для нас, мы люди маленькие. Нам бы около любви сбоку пристроиться, чтобы хоть как-то эту жизнь за хвост ухватить... А он шибко скользкий, хвост-то. Просто так не ухватишь, пока чем-нибудь не попустишься. Или кем-нибудь. Ну что ты на меня так смотришь, будто я тебя ножом режу? Заходи, садись. Чаю сейчас налью, бутерброд сделаю. Тебе с колбасой или сыром? А может, борщеца? Хочешь? Я только сварила, не остыл еще.

– Нет. Я ничего не буду.

– Будешь. Не хватало еще, чтобы ты у меня тут в обморок грохнулась. Поешь сначала, потом поговорим. Новости у меня не очень для тебя веселые.

– Говорите, Людмила Сергеевна. Я вам обещаю, что в обморок не грохнусь.

– Что ж, ладно. Сама напросилась. А может, это и хорошо, что ты от меня узнаешь. Антошка-то, поди, заботится тебе сказать, совестно ему. Даже не знаю, как и начать, господи. Помогите, святые угодники, такой грех на душу беру.

– Говорите, Людмила Сергеевна. Говорите.

– А ты не командуй! Ладно, скажу... Женится он скоро, так уж получилось, прости ты его, Ника. Не хотел он, да я его на этот шаг подтолкнула. И меня тоже прости. Кто ж знал, что эта Маринка в него влюбится, прям голову потеря-

ет. Она сама и предложила ему жениться, чтобы вместе отсюда уехать.

– Уехать? Куда уехать?

– Так в Германию! У нее папашка в Мюнхене свой бизнес имеет, видать, неплохо дела идут. Машинами подержанными торгует. Там они никому не нужны, а у нас – нарасхват. Богатые они, одним словом. И Маринка эта гордая вся из себя, через губу со мной разговаривает. А я терплю, что я могу сделать-то? Нет, могу, конечно, ты ж меня знаешь, я за словом в карман не полезу. Но терплю. Ради счастья Антошкиного терплю. А при других раскладах эта Маринка так бы летела фанерой над Парижем – ветер бы свистел в ушах! Я вот все удивляюсь, чего она в Германии себе мужа не нашла?.. Чего в моего Антошку вцепилась?.. Но раз уж такой оборот дело приняло, тут пан или пропал, сама понимаешь. Другой такой Маринки может и не быть. Это судьба, счастливый случай. И я сказала – иди... – вытянула Людмила Сергеевна указующую натруженную ладонь, – иди, сынок, и женись. И уезжай отсюда за лучшей долей, поживи другой жизнью, как люди живут. Иди, сынок...

Людмила Сергеевна поднялась со стула; снова вытянула руку вперед и стала похожа на памятник вождю пролетариата. Правда, «вождь» был в розовом халате и с огуречными кругами на лице. Ника смотрела на нее будто издалека, и собственный дрожащий голос слышала будто издалека, и вопрос тоже задала странноватый, совсем не в тему:

– А как же институт, Людмила Сергеевна? Он ведь институт бросил, вы знаете?

– Да ну его, этот институт!

– Но вы же мечтали... Чтобы высшее образование, чтобы диплом...

– А зачем ему диплом при таком раскладе, сама подумай! Ему тесть и без диплома хорошее местечко пригреет у себя в бизнесе. Подумаешь, диплом. Кому эта бумажка нужна, да еще в Германии! Соображаешь?

– Да... Да, конечно. Соображаю. Вернее, ничего уже не соображаю. Как же так, Людмила Сергеевна... Почему он мне не сказал?..

– Да не мог он, пойми. Пойми и не обижайся. Да, любовь у вас, ну и что с того? Любовь любовью, а жить-то надо. Иногда, знаешь, все вместе не получается. Вернее, чаще всего не получается. Надо смириться, что ж... Да и ты не теряйся, тоже обеспеченного себе найди, пока молодая! Эх, мне бы твои годы да нынешнюю мою сообразительность. Ни за что бы за Антохиного отца замуж не пошла. Бедность, она штука сволочная, она кого хошь по разным углам разведет и на любовь не посмотрит. Слушай меня, чего говорю, я плохого не посоветую, ты же мне как родная.

– Да. И потому вы сделали все, чтобы мы с Антоном не были вместе.

– Ой, господи... – с досадой всплеснула руками Людмила Сергеевна. – Ну что у тебя за характер настырный, а? Я про

Фому, а ты опять про Ерёму. Да ты ж красавица, ты в зеркало-то на себя почаще гляди! И лицо, и фигурка, и волосы. Да такого красивого цвета волос ни у одной девки нет, а я знаю, что говорю! Тебя боженька особой меткой отметил, а ты... Вцепилась в Антоху – люблю да люблю. Ну что он тебе? Какой с него толк будет? Хочешь, как я, всю жизнь в безденежье мыкать? Глупые вы оба с Антохой, ей-богу... Молодые и глупые...

Людмила Сергеевна махнула рукой, с досадой принялась отлеплять со щек огуречные круги. По мере того как освобождалось лицо, все больше проступало на нем выражение решимости, жесткости даже. Наконец она произнесла, положив пухлые руки на стол и слегка побарабанив пальцами по столу:

– Значит, так, девонька. Я тебе все сказала, и ты меня услышала. Иди домой, не надо больше сюда приходить. И не ищи Антоху, не надо, не рви сердце ни ему, ни себе. Дома наплачься как следует и забудь. И живи дальше. Не ты первая – не ты последняя. Главное, помни, что все, что ни делается, все к лучшему. Поняла? Или еще раз повторить?

– Я поняла, не надо повторять. А когда... когда у него свадьба, Людмила Сергеевна?

– Свадьба там будет, в Мюнхене.

– А когда он улетает?

– На днях. Все, Ника, все. Ничего уже не изменишь. И не пытайся Антоху найти, его нет в городе. Маринка его в

Питер увезла, романтики ей захотелось, видишь ли. Все уже решено, все идет своим чередом. И ты живи своим чередом.

Ника не помнила, как дошла до дома. Открыла дверь, шагнула в квартиру, закрыла за собой дверь на все замки и сползла по ней вниз, опустилась на корточки. Да, все шло своим чередом. Чередом, чередом.

Слово какое странное, будто молотом бьет в голову. Чер-е-доммм! Чер-е-домм! Узнать бы на самом деле, что это значит – чередом...

Это без Антона, что ли? А если у нее не получится? Если Антон везде в ней живет – в сердце, в душе, в голове, в каждой жилочке, в каждой клеточке? Если каждая мало-мальская мыслишка связана с его именем? Каким тогда, к черту, «чередом»?

И плакать не получалось, слез не было. Наверное, если бы можно было выплакать из себя Антона, тогда бы получилось жить дальше. А так... Может, ну ее к черту, эту жизнь? Встать, пойти на кухню, пошуровать в коробке с таблетками... После мамы много таблеток осталось. И снотворное там тоже было. Во сне легко умирать... Раз-два, и ты у мамы в объятиях, а в голове ни одной мысли нет, в которой бы Антон присутствовал. И нигде его нет, ни в жилочке, ни в клеточке.

Ника поднялась на ноги и, не снимая босоножек, прошла на кухню. Коробка с лекарствами была на своем месте – в кухонном шкафу. Ника достала ее, опрокинула содержимое на

стол, принялась перебирать шуршащие в пальцах блистеры. Торопилась отчего-то. Наверное, боялась в последний момент передумать. И вздрогнула от звонка в дверь.

Кто это?

Надеждой обожгло горло: Антон? Передумал жениться на неизвестной Маринке, передумал ехать в Германию и торговать машинами вместе с папой невесты?

На ватных ногах Ника пошла в прихожую, открыла дверь. За дверью стояла Томка, смотрела на нее настороженно.

– Ник, ты чего? С тобой все в порядке? Я у тебя никогда такого лица не видела... Выглядишь как рыжая смерть с ко-сой.

Ника молча повернулась, ушла на кухню. Томка хмыкнула, пожала плечами: простите, мол, шутка не удалась. Вошла в прихожую, захлопнула за собой дверь, поплелась вслед за Никой. Увидев рассыпанные по столу таблетки, отпрянула, затараторила испуганным шепотом:

– Ты... Ты чего это? С ума, что ли, сошла? Да что у тебя случилось, Ник? Говори, не молчи, я боюсь!

– Не бойся, Томка. Все идет своим чередом. Чередом, понимаешь? Антон женится и уезжает жить в Германию, а я вот... Я к маме хотела... Все своим чередом.

– Щас как дам по рыжей башке, так и будет тебе чередом! Совсем обалдела, что ли, дура несчастная? Да чтобы из-за какого-то Антохи! Да кто он такой вообще? Тоже мне, любовь с фигой в кармане!

– Почему же с фигой... Не с фигой...

– А тебе говорю – с фигой! Потому что у твоего Антона ничего за душой, кроме фиги, не имеется! Ну что ты к нему так прилепилась, а? Что тебе с него? Он же типичный нищелюб, типичнее некуда! Всю жизнь бы тебя килькой в томате угощал, а хлебом с маслом по праздникам!

– Я люблю его, Томка. Я всю жизнь его любить буду. Я и на кильку согласна, и на хлеб. Тебе не понять, наверное.

– А вот это ты правильно сказала, мне точно не понять. И хорошо, иначе бы я от самой себя сдохла. Да чтобы я в какого-нибудь охламона за просто так влюбилась, ага! Да с чего ради? Нет, меня на романтику не возьмешь, я на жизнь трезво смотрю и тебе советую. Вместо того чтобы таблетки жрать, нашла бы Антохе замену повыше качеством, и все дела! Тебе свою жизнь надо устраивать, поняла? Вверх ползти надо, а не вниз, потому что у нищелюба и жена тоже получается нищелюбка, а если повыше качеством, то совсем другой расклад выходит, поняла? Ой, дура ты, Ника, ну какая ты дура!.. Даже не ожидала от тебя, честное слово...

Томка говорила и торопливо собирала в коробку блистеры со стола. Потом попыталась выбросить коробку в мусорное ведро, но та никак не входила, и Томка высыпала все ее содержимое в свою объемную сумку, пробурчав себе под нос:

– Пойду потом, по дороге выброшу. А ты не сиди и не раскачивайся, как идиотка, а слушай меня. Ты хоть помнишь,

что я тебе говорила?

– Да, помню. Ты говорила про нищebroда и нищebroдку. И что я дура, ничего в этой жизни не понимаю. Я это уже слышала сегодня, Томка. Мне Людмила Сергеевна примерно это же самое говорила.

– Ну так и правильно. А что делать, моя дорогая? Ничего, переживешь душевную ампутацию, зато живой останешься. Глядишь, и дорога другая откроется, более прямая и комфортная. Я вот, к примеру, ступила уже на такую дорожку. Познакомилась тут с одним. У него папа какой-то важный функционер, в загранкомандировки ездит. Завтра на свидание пойду. А хочешь, вместе пойдем? Я попрошу, он друга прихватит.

– Нет, Томка. Никуда я не пойду. И вообще... Ты бы шла домой, а? Мне надо одной побыть.

– Ага! Я уйду, а ты опять сдуру наворотишь чего-нибудь. Из окна сиганешь, к примеру.

– Не сигану. Квартира на втором этаже. Правда, Томка, иди. Я так устала и ослабела, не соображаю ничего. Мне поспать надо, наверное.

– Вот она, человеческая неблагодарность во всей красе. Я тебя, можно сказать, от смерти спасла, а ты меня гонишь. Даже «спасибо» не сказала.

– Спасибо, Томка.

– Ладно, иди ложись. Я подожду, когда ты уснешь, потом уйду.

Ника послушно встала со стула, ушла в комнату. Бухнулась на диван, водрузила на голову подушку. Томка заглянула в комнату, сказала что-то. Не слышно уже было. И слышать не хотелось. Вообще ничего не хотелось... Ника проваливалась в темную дурную дремоту, и ей казалось, что из нее она уже никогда не выкарабкается обратно. А может, наоборот, она летела вверх так, что дух от страха захватывало? Страшная карусель, вот-вот разгонится и выбросит на повороте... И пусть... И хорошо, что выбросит...

Когда проснулась, за окном было, судя по всему, позднее утро. Ника подумала, что наверняка на работу проспала. Надо было вставать и начинать жить новой жизнью. То есть нужно было начинать новую жизнь в той самой яме, куда ее накануне выбросила страшная карусель. Жить без Антона. Без любви. Без надежд на счастье. Хотя почему без любви? Любовь-то как раз никуда не делась. Это ей еще предстоит – отрезать себя от любви. Ампутировать, как давеча сказала Томка. Потом ждать какое-то время, пока рана не заживет... А может, она никогда не заживет. Есть такие раны, которые никогда не заживают, как трофические язвы, и человек живет с ними, но на самом деле вовсе не живет, а мучается, и скрывает от людей свою болезнь, как умеет. Значит, она тоже будет жить и мучиться. И скрывать. И надеяться, что все-таки заживет когда-нибудь.

Потянулись долгие дни, похожие один на другой, как близнецы-доходяги. Утром на работу, вечером в институт.

Позднее возвращение домой, чай с бутербродом, тусклая лампочка на кухне в пластиковом абажуре. Однажды мелькнула мысль – лампочку бы сменить, чтобы светила ярче... Мелькнула эта мысль и погасла за ненужностью. И правда, зачем?

Потом Ника взяла академический отпуск, сдала летнюю сессию. На удивление хорошо сдала, на автопилоте, наверное. Или подсознание вело расклеенные мозги в нужную сторону. Даже четверкой по сопромату зачетку украсила, сама удивилась! И снова мелькнула мысль: пойти, что ли, с ребятами из группы в кафе, отметить?.. Зовут ведь... Но тоже – мысль мелькнула и погасла за ненужностью: зачем?..

Постепенно Ника привыкла к своему новому состоянию. Освоилась. Рана болеть не перестала, но покрылась тонкой корочкой, за которой надо было следить, чтобы не повредилась. Нужно было учиться идти по жизни осторожно, без лишних душевных телодвижений. День прошел, и ладно. Следующий придет. Такой же. А корочка пусть подсыхает, время придет – и совсем отвалится, обнажив под собой багровый рубец. Да, рубец некрасивый, но жить можно... Зато не кровоточит и не болит по ночам...

Часто забегала Томка, звала куда-нибудь. У Томки целевая задача тоже как-то не шла к логическому завершению, терпела досадный сбой. Сынок важного функционера в самый ответственный момент вильнул скользким рыбьим хвостом, ушел из рук. Но Томка не отчаивалась, изо всех сил

чистила перышки и присматривала следующего претендента. Обещали ей место секретарши в каком-то важном ведомстве, у большого начальника. Такого большого, что Томка говорила о нем с придыханием:

– У него, рассказывают, квартира такая, что целую роту солдат разместить можно! Вот бы посмотреть, а? Хоть одним глазком.

– А рота – это сколько человек, Том? – равнодушно спрашивала Ника только для того, чтобы поддержать разговор, но Томка включалась в него очень живо и со всей горячностью:

– Да откуда я знаю, много, наверное! Я ж тебе не про солдат и про роту говорю, а про квартиру! Это ж сколько комнат в ней должно быть, а?

– Так посчитай, делов-то. Узнай, сколько в роте солдат, подели на количество солдат в одной комнате.

– Да ну тебя, Ника! Я серьезно разговариваю, а ты дурачишься. Сейчас возьму и обижусь, поняла? Может, для меня нет ничего важнее этого вопроса на сегодняшний день!

– Какого вопроса? Как разместить роту солдат в большой квартире?

– Ника! Ты опять?.. Я и в самом деле обижусь.

– Ладно, Томка, не обижайся. Правда, прости меня, я больше не буду. Что там еще у твоего потенциального начальника в запасе имеется, какие богатства?

– Ой, да много чего... – снова вспыхивала живым инте-

ресом Томка. — Дача еще есть, наверняка тоже большая. И машина, Ника! И машина должна быть не из абы каких, я думаю! И даже не одна. Представляешь меня во всем этом, а? С ума можно сойти...

— Что-то я не до конца понимаю твоих покушений, Томка. Он что, не женат? Вдовец, что ли?

— Да откуда... Скажешь тоже. Такие экземпляры больше трех дней вдовцами не бывают. Женат, конечно, трое детей.

— А чего ты вдруг облизываться начала, если жена и трое детей?

— А того! Что я, свой козырь не имею права в нужный момент на стол выкинуть?

— Какой козырь?

— Молодость, вот какой! А еще красоту и настырность. Нет, Ника, я не прогадаю. Я приду и возьму то, что мне положено, вот увидишь.

— Кем это, интересно, положено?

— Да не знаю я кем! Положено, и все. Каждой бабе положено! Слышала, как по телевизору говорят? Вы этого достойны, и все дела! А чем я хуже? И я достойна.

Нику Томка ужасно забавляла. Даже сердиться на нее не получалось, так все звучало искренне. Вот такая она, Томка, что с нее возьмешь! Даже как-то легче на душе становилось... Наверное, Томка своей целевой сволочной задачей разбавляла напряженную Никину осторожность, и на какое-то время забывалось, что рану надо беречь.

Сева Тульчин пришел к ним на фирму оформить очередной заказ. Ника получала бумаги у секретаря Татьяны, чтобы развезти их по адресам клиентов. Лицо Севы ей было знакомо, но слегка и навскидку, он часто к начальнику приходил. Бывало, и сживал у него часами с кофе и коньяком, вроде как приятели они были. На Нику не обращал внимания. А тут вдруг уставился ей в лицо, да так пристально...

– А что это у вас за рыжик такой появился, а, Тань? Нювенькая, что ли?

– Это Ника, Сев. Она с февраля тут работает.

– Да? А почему я не видел?

– Так она курьер. Целый день по адресам мотается. Сейчас тоже уедет, видишь, сколько бумаг. Кстати, Сева, а чего ты пришел? Игоря нет на месте.

– А где он?

– На объект уехал. Надо было позвонить.

– Да, надо было позвонить. Не догадался. Рассеянный стал в последнее время. Но ничего, я исправлюсь. Зато я Нику вашу подвезу, куда ей надо с бумагами, если уж так получилось. Можно вас подвезти, Ника?

– Нет, что вы, не надо. Я сама.

– Она у нас немного замкнутая. Стесняется, – прокомментировала Никин отказ Татьяна. – Может, кофе сделать, Сев?

– Нет, Танюш, спасибо. Пойду я. Боюсь, вашу курьершу не догоню.

– Ну-ну. Можешь и не догнать, Ника девушка быстроногая, к тому же пугливая, как лань. Если догонишь, не обижай, ладно?

– Что ты, Танюш. Разве я способен обидеть девушку?

– Да, ты точно не способен. И не то что девушку, хоть кого не способен обидеть. Везет же некоторым быстроногим и застенчивым, а?

Он догнал Нику на крыльце офиса, долго уговаривал сесть к нему в машину. Ей было страшно неловко, но Сева настаивал. Старался быть веселым и галантным, но Ника вдруг увидела, какие у него грустные глаза. И вообще, он был такой... Большой, добрый и неуклюжий. Не как Пьер Безухов, но самую чуточку неуклюжий. Ему шло быть неуклюжим. Хотелось сделать для него что-нибудь хорошее, и не из жалости, а просто хотелось, и все. Есть такие люди, рядом с которыми очень комфортно, и плечи расправляются сами по себе, и губы тоже сами по себе растягиваются в улыбке. А еще от него вкусно пахло дорогим парфюмом. А еще он был дорогого и с удобством одет и хорошо подстрижен. Хотя это было и неважно, потому что – какая разница, как одет и подстрижен человек, который просто предложил подвезти? И отказать было неудобно. Как откажешь Пьеру Безухову? Нет, неловко, нехорошо, неправильно. Она ж не какая-нибудь там... Надменная Элен Курагина. Она всего лишь Ника, курьер.

И потому она просто молча кивнула, уселась рядом на переднее сиденье, скукожилась от напряжения. В самом деле –

неловко.

Долго ехали молча, но она видела, что Сева все время улыбается. И не утерпела, спросила с робким вызовом:

– Почему вы все время улыбаетесь? Я такая смешная, да?

– Нет. Просто я давно не улыбался, – серьезно ответил Сева, глянув на Нику мельком. – Да, чтобы вот так, совсем без причины. Удивительное состояние, когда хочется улыбаться без причины. А ты с кем живешь, Ника? Ничего, что я на ты?

– Ничего, нормально.

– Так с кем ты живешь, я не понял?

– В каком смысле – с кем? – сердито насторожилась она.

– Ну... С мужем, с родителями?..

– У меня никого нет. Я одна.

– Что, вообще одна? И никаких родственников?

– Есть тетка во Владивостоке, мамина сестра, но я ее не помню совсем. Я маленькая была, когда она приезжала. Больше никого нет.

– Да, негусто. Слушай, а поехали к нам обедать? Время-то как раз обеденное!

– Куда это – к вам?

– К нам домой. Мы с мамой вдвоем живем, и она каждый день готовит для меня обед. Говорит, это ее развлекает. И так она развлеклась на широкую ногу, что в традицию вошло, представляешь? Теперь хочешь не хочешь, а каждый день в определенное время бросай все дела и обедай. Но готовит она очень вкусно, это правда. Поехали, а?

Вопрос прозвучал с такой искренней интонацией, что Ника неожиданно для себя согласилась. И больше ни о чем не думала. Просто расслабилась и поплыла по волнам Севиной веселой доброжелательности, чувствуя, как отпускает ее натянутая внутри пружина.

– Ой... А как вы меня маме представите? Надо ведь как-то...

– Никой представлю. А что, у тебя еще одно имя в запасе есть?

– Нет.

– Кстати, Ника – это Вероника?

– Да.

– Очень красивое имя.

– У вас тоже красивое имя – Всеволод.

– А чего ты мне выкаешь? Давай на «ты». Я Сева, ты Ника, все просто и понятно. Договорились?

– Да, договорились. Только мне все равно трудно будет.

– Привыкнешь. Вот мы почти и приехали. Сейчас в арку въедем. Видишь балкончик на третьем этаже? Там женщина стоит, улыбается? Это моя мама. Ее зовут Маргарита Федоровна. Не бойся, она хоть и со странностями, но не кусается.

– Да я не боюсь.

– Вот и хорошо. Идем.

Маргарита Федоровна встретила ее и впрямь странно. Как только Ника появилась на пороге, всплеснула руками и произнесла низким протяжным голосом, почти басом:

– Господи боже мой, пр-э-э-лесть какая!..

Так и потянула эту «прэлесть», будто Ника была неодолеваемым предметом и его можно разглядывать, сколько влезет, и даже потрогать кончиками пальцев рыжую прядь волос, упавшую на плечо.

– И где такую красоту нынче изготавливают, интересно? Неужели своя, природная?

– Своя... – робко подтвердила Ника, густо покраснев.

– Прэлесть!.. Ой, пр-э-э-лесть!..

– Мам, не смущай Нику. Давай будем обедать, у нас времени мало, – деловито распорядился Сева, с улыбкой глядя на мать.

– Время, дорогой мой сынок, субстанция вполне себе управляемая. Иногда его должно быть очень много, а иногда и доли секунды следует от себя гнать.

Мать и сын посмотрели друг на друга очень внимательно. Ника вдруг догадалась, что Маргарита Федоровна сказала сыну какую-то важную для них вещь, и Сева тоже ее понял, кивнул и улыбнулся грустно. Или будто согласился с чем. А в следующую секунду Маргарита Федоровна уже громко командовала, прихлопывая в ладоши:

– Сева, Ника, быстро в ванную! Моем руки, проходим в столовую! Стол накрыт, щи дымятся, дела подождут!

У них и в самом деле была столовая. Небольшая комнатка впритык с кухней. Стол под белой скатертью, красивая посуда. Щи в расписной фарфоровой супнице, тарелки на подта-

рельниках, салфетки крахмальными домиками. Правда, стол был накрыт на двоих, но Маргарита Федоровна подсустилась ловко и быстро с третьим прибором – Ника не успела и за стол сесть.

И никакого напряжения от первого знакомства больше не было. А было вкусно, весело и душевно, и было такое чувство, будто жизнь совершает крутой поворот, и очень хороший поворот, и за ним откроется необыкновенный дивный пейзаж. И будет сиять солнце, и ветер будет приятно щеко-тать лицо.

Впрочем, так оно все и случилось. Ника и сама не заметила, как оказалась частой гостьей в этом доме. Не заметила, как втянулась в Севину веселую к ней доброжелательность, как потянулась навстречу их первому поцелую, который тоже был продолжением веселой доброжелательности. С Севой было очень комфортно, и Ника даже не пыталась анализировать это чувство. Комфортно, и все. Сева даже грустил комфортно, как ей казалось. Часто задумывался, уходил в себя, но это ее нисколько не раздражало.

– Работает много... – со вздохом объясняла странное поведение сына Маргарита Федоровна. – Уж очень ответственный. Пашет на своей фирме за всех, пользуются они Севкиной добротой и безотказностью. Прямо убила бы, ей-богу.

Кто «они» и кого хотелось убить, Маргарита Федоровна не уточняла, а Ника и не спрашивала. Жила, словно получила отступные от своего несчастного расставания. Однажды

Маргарита Федоровна спросила:

– Сколько тебе лет, Ника?

– Двадцать... А что?

– Да ничего, все нормально. Очень хорошая разница в десять лет. Тебе двадцать, Севке тридцать.

– Да с чего вы решили?..

– Я? Я решила? Нет, я ничего не решала, это жизнь за нас решает, моя милая.

– Что решает?

– А то. Жениться вам надо. Семью создавать. И тебе замуж самое время, и Севка в холостяках засиделся.

– Да я как-то не думала. Он и не предлагал.

– Ну и дурак, что не предлагал. Разве можно упустить такую рыжую прелесть? Вот я его подтолкну. Я знаю, как это сделать, можешь мне довериться, я мамаша деликатная, все обстряпаю по высшему разряду.

– Вы меня совсем смутили, Маргарита Федоровна.

– А ты и смущаться умеешь? Ну это ты зря. Бросай это дело или привыкай на первых порах, потому что смущать я умею, этого у меня не отнимешь, что есть, то есть. Зато со мной не соскучишься в семейной жизни, это уж я тебе гарантирую. Да, прелесть моя, скучать я тебе не дам, это точно.

Через три месяца Ника с Севой расписались. Отметили это событие в узком кругу – пышной свадьбой, как выяснилось, никому не хотелось. Ника рассчиталась с квартирной хозяйкой, собрала вещи и переехала к мужу в дом. И жизнь-

таки за крутым поворотом ее не обманула – все, обещанное ею, сбылось. И солнце светило, и ветер приятно щекотал лицо. И другие всякие изменения произошли – тоже приятные.

Сева настоял на том, чтобы она ушла с работы и восстановилась на дневном отделении в институте. Маргарита Федоровна, примерив на себя статус свекрови, не изменила к ней своего отношения, скорее, наоборот, стала более деликатна и дружелюбна. Даже ее привычная ирония не портила атмосферы совместного в одной квартире проживания, а вносила свою веселую изюминку.

Ника совсем оттаяла, повеселела. Ходила в институт, жила студенческой жизнью, часто приглашала сокурсников к себе домой. Так и говорила: приходите ко мне домой. Она и впрямь в полной мере ощутила, каково это, когда есть свой дом. И Маргарита Федоровна встречала студентов хлебосольно, особенно тех, кто жил в общежитии. Сидела с ними, улыбалась, прикрыв глаза и слушая, как музыку, ту самую «прекрасную чушь», о которой душевно спел известный в то время музыкант. Ника смотрела на нее и думала про себя: удивительная женщина, непредсказуемая. Остра на язык, но никого не обидела. Некрасива, но до ужаса обаятельна. Иногда открыто проявляет свою властность, но сопротивляться этой властности совсем не хочется. Прэлесь, а не женщина, одним словом. Даже специальность свою превратила в талантливую игру.

Маргарита Федоровна числилась известным в определен-

ных кругах специалистом-логопедом, принимала маленьких пациентов на дому. Брала только самых трудных, а всякие легко исправимые детские «фефекты» речи ее мало интересовали. Как она сама объясняла: с «фыфками» и «сысками» вместо нормальных «шишек» и детсадовские логопеды могут справиться. Но если у ребеночка были совсем плохи дела... Тут уж она в его «фефекты» вгрызалась по-настоящему, шла до победного конца. С любовью и дружбой к маленькому пациенту, с искренней заинтересованностью в результате, а не абы как время провести да законное вознаграждение оттяпать. Сева рассказывал, что некоторые из той ребятни, с бывшими «фефектами», так в друзьях и остались, звонят и в гости заходят... А Маргарита Федоровна с удовольствием с ними общается, потому как латентная благодарность слаще самого большого вознаграждения. Да и что такое – вознаграждение? Получил, истратил, и нет его. А латентную благодарность можно смаковать и смаковать по кусочкам долгое время, карму себе подправлять. В общем, повезло со свекровью, что тут скажешь...

Томка по-своему оценила все достоинства Никиного скороспелого замужества, сказав только одну фразу: мол, пошла замуж по несчастью, а вышла по любви. Ника смеялась в ответ: да, Томка, так и есть.

Любила ли она Севу? Любила, наверное, но по-другому. Да Сева и не спрашивал о любви, и она сама не задавалась ответным вопросом, любит ее муж или нет. Само собой, любит,

а как же иначе, если живут вместе. Вместе ложатся спать, вместе просыпаются. Сева работает много, устает. Его часто не бывает дома вечерами, и выходные может посвятить работе. Работа, работа... Вся жизнь – работа. Иногда Нике казалось, что Сева ее вообще не замечает. Забывает, что у него есть молодая жена.

– Ник... А как у вас это самое?.. Ну... В постели-то?.. – интересовалась с любопытством Томка.

– Нормально, Томк. Нормально.

– Ну это не ответ. Что значит – нормально? Ты давай в подробностях.

– Отстань, а?

– Лучше или хуже, чем с Антохой?

– Томка, я прошу тебя. Я тебя умоляю – никогда больше, слышишь? Никогда не произноси больше это имя.

– Значит, все еще любишь. Понятно. Если бы не любила, то не бледнела бы так от злости.

– Томка!

– Ладно, не буду, не буду...

– Расскажи лучше, как у тебя дела. Что твой начальник, соблазняется на тебя или держится еще за женатое положение?

– Не понимаю иронии в голосе, Ника. У меня вполне серьезные на него планы, ты же знаешь. Только не поддается ни фиге. Но я все равно его добыю, уже ради принципа. Слушай, а пусть Маргарита Федоровна мне погадает! Попроси

ее, а?

– Не знаю... Она редко на картах гадает.

– Зато всегда и все правильно говорит. В самую точку!

– Так и иди, и сама попроси.

Маргарита Федоровна была в курсе Томкиных устремлений и относилась к ним, как всегда, с веселой иронией. Но Томка, видимо, ее иронию не очень хорошо распознавала, принимала за чистую монету.

– Я бы на твоём месте, Томочка, внесла категорические изменения в свой экстерьер... – медленно говорила Маргарита Федоровна, раскладывая на столе карты. – Весьма и весьма категорические.

– Это какие же? Подскажите?

– Ну я бы тебе посоветовала, к примеру, хоть какие-то признаки интеллекта положить на лицо вместо избытка тонального крема. Очки, например. Девушка в очках всегда смотрится интеллектуалкой. А еще бессонницы бы немного добавила, с нужной присказкой: ах, мол, всю ночь Хемингуэя читала. На Хемингуэя хоть кто западет, моя дорогая. А в очки можно простые стеклышки вставить. А еще не забывать нежно щуриться и поправлять очки пальчиком на переносице. Такие вот изменения в экстерьер я тебе и советую внести, моя дорогая. И карты об этом говорят.

Томка не обижалась, только слегка поджимала губы и впрямь прищуривалась. Видать, ловила в нужное место упавшие зерна. На войне как на войне, все пригодится. Враг

будет разбит, победа будет за нами. Так и получилось у Томки в конце концов. Увела-таки семейного начальника от троих детей. В самое хлебное время увела, только в стране народившееся, когда начальник в силу вошел и начал большим бизнесом заниматься, используя наработанные связи. А бизнесменам так и положено, чтобы с наращиванием денежного благополучия старую жену сменить на новую и молодую, и ничего с этим правилом не поделаешь, редко кому удавалось его обойти. Жена начальника гордая оказалась, молча уступила Томке место. Дети приняли сторону матери, с новой отцовской женой даже знакомиться не захотели. Да Томка не особо и огорчалась этому обстоятельству, Томка победу праздновала.

– Да я ему свеженького ребеночка рожу, подумаешь, делов-то! Не вижу проблемы.

– Да уж, свеженького, – отвечала на это Ника, с неодобрением глядя на Томку. – Скажешь тоже. Все-таки сволочь ты, Томка. Трое детей... Не боишься, что судьба накажет за такие дела?

– Да они уж большие, Ник!

– И что? Это их горя не умаляет.

– Да ладно... Я тоже, между прочим, не на помойке себя нашла и тоже счастья хочу.

– Ну и будь счастлива, если можешь. Я б не смогла.

– Что-то не нравишься ты мне, подруга. Я ж давно тебе говорила, что своего не упущу! Вот и не упустила! И что

я слышу теперь вместо законных поздравлений? Что судьба накажет? Нет, не понимаю я тебя.

— Ладно. Живи как знаешь. Будь счастлива, рожай богатому мужу свеженького ребеночка.

— И рожу. Кстати, а сама-то чего медлишь? Рожай давай. Тем более институт скоро закончишь. Чего не рожаеть-то? Не хочешь, что ли?

— Хочу. Но не получается пока.

— А... Ну не переживай. Если будешь стараться, то все получится. Помнишь, как ты с Антохой все боялась не вовремя залететь? Кстати, что о нем слышно-то?

— Ничего не слышно. И не надо. Я не хочу.

— Хочу не хочу. Врешь ты все, Ника. Хочешь, еще как хочешь.

— Нет!

— Ну нет так нет. На нет и суда нет. А если да, так и жди суда. Во как сказанула, ага?

Да, сказанула Томка. Как в воду смотрела. Если да, так и жди суда. Точнее — кары небесной за семейный комфорт, в который забрела по несчастью, а получилось по любви. А главное, все произошло так неожиданно...

В тот день им дипломы вручали, в торжественной обстановке. Потом вся институтская группа вывалилась на улицу, соображая на ходу, в какое место пойти обмыть это событие. Сбились в институтском дворике в кучку, галдели, дурачились, потом двинулись в сторону ближайшего кафе. Вдруг

Ника услышала за спиной:

– Ника... Ника, постой...

Она застыла как соляной столб. Можно было не оборачиваться, потому что и так было ясно, кто ее окликнул. Только у Антона был такой голос, нервный и ломкий, она бы не спутала его ни с каким другим.

Кто-то из однокашников тронул ее за плечо, кто-то заботливо глянул в лицо – что с тобой? Она вяло махнула рукой – идите, мол, я догоню. Но уже знала, что никого не догонит. Чувствовала, как сзади подходит Антон. А когда он положил руки ей на плечи, чтобы развернуть к себе, сглотнула волнение и даже попыталась улыбнуться. Пусть, пусть он увидит ее улыбающейся. Потому что у нее все хорошо. И даже прозвнесла довольно непринужденно:

– Ой, привет!.. Какими судьбами? Не ожидала тебя увидеть.

– А я ожидал. Тебя. Я знал, что ты сегодня диплом получаешь. Пойдем, мне надо тебе сказать.

– Куда пойдем?

– Да все равно куда. Поедем ко мне домой.

– К тебе? А что твоя мама скажет? Вот уж она обрадуется, увидев меня!

– Мама на даче. Я ей дачу купил, она сейчас там живет.

– Ух ты, молодец какой. Дачу маме купил. И как это тебе удалось-то, интересно?

– Ник, перестань... О чем мы сейчас говорим, смешно,

правда. Пойдем. Мне так много надо тебе сказать.

– Я замужем, Антон.

– Я знаю. Я тоже женат. И что? Разве что-то от этого изменилось?

– Все, все изменилось.

– Не обманывай себя, Ник. Ничего не изменилось. Я по-прежнему люблю тебя, а ты меня. Да что говорить, ты же сама все понимаешь. Пойдем, я всего на неделю вырвался. Наврал, что мать заболела. Пойдем, Ник...

И она пошла за ним, как привороженная. Ни одной мысли в голове не было. Никаких извинений и объяснений не хотелось.

Скорей бы, иначе умереть можно. Такси. Знакомый двор. Дверь подъезда захлопнулась. Первый этаж. Второй, третий. Звякнули ключи в дрожащей ладони Антона. Замок поддался легко... Все, все! Больше нет ничего на свете! И никого нет, кроме них двоих! И слова «потом» тоже нет! Потом – будь что будет...

«Потом» наступило очень быстро, будто и не было за плечами недели. Что – неделя? Всего семь дней. За неделю никто ничего не поймет, не заподозрит. «Почему так поздно вернулась, Ника? Случилось что? Нет, Сева, все в порядке. Подруга заболела, надо было помочь...»

А Маргарита Федоровна даже и этого не спросила. Глядела на нее так, будто рентгеном просвечивала, усмехалась. Но не злорадно, а себе на уме усмехалась. Так, как она умеет.

Нике было неловко и стыдно, и приходилось отводить глаза. Одним только себя и успокаивала: неделя прошла – и всё, и всё. И больше ничего не будет. Никогда. Что такое – неделя? Всего семь дней, как семь смертных грехов. Она украла из жизни всего неделю. Самой стыдно, да. Казните, закидайте камнями, виновата. Но что делать, если так вышло?

Через месяц Ника поняла, что беременна. И пришла в ужас. Выходило, что не только неделю она украла. И непонятно было, что ей со своим интересным положением делать. И дальше врать, что ли? Доброму Севе врать? Маргарите Федоровне?! Нет, нет. Это просто невозможно. И посоветоваться не с кем. Разве с Томкой?..

– Ну делов-то! Я думала, и впрямь какое горе случилось, – легко махнула рукой прилетевшая на ее зов Томка. – Не признавайся, да и все. Рожай. Что тут еще обсуждать?

– Я так не могу, Томка.

– Да они никогда не узнают – ни Сева, ни свекровка твоя!

– Да, не узнают. Но я буду знать. Как я буду жить с этим?

Нет, я не могу.

– Ой, не усложняй, а? Любишь ты все преувеличивать. Да окажись я на твоём месте, ни минуты бы не раздумывала. Знаешь, как мне нужен ребеночек, чтобы в новом статусе закрепиться?

– Так роди.

– Ага, легко сказать. Не получается у меня. И налево сходить не получается, моего мужа в этих делах не обманешь,

он все сто раз проверит и перепроверит. А тебе, можно сказать, свезло. Кто тебя в обмане заподозрит? Никому и в голову не придет. Рожай, ни о чем не думай.

– Не могу. Нет, я все расскажу, во всем признаюсь. Сначала Маргарите Федоровне, потом Севе.

– Ну признаешься, и дальше что? Кому от этого лучше будет? Тебе? В любом случае лучше не будет. О себе надо думать в данном случае, только о себе. Вот учу тебя, учу... А ты одно талдычишь.

– Я не смогу с этим обманом жить, Томка.

– Ну и дура. Такая дура, каких свет не видывал.

– Да, Томка, ты права, я дура. Но не могу, не могу...

Она долго не решалась начать трудный разговор с Маргаритой Федоровной. Извелась, похудела, да еще и ранний токсикоз напал, выворачивал организм наизнанку. Маргарита Федоровна, видя ее страдания, спросила сама:

– Ты беременна, Ника?

– Да... Да. Я беременна, Маргарита Федоровна.

– Нет, я не понимаю. Почему такой голос трагический? Ты что, не рада?

– Я не от Севы беременна. Рассказывать ничего не буду, да это вам и неважно. Простите, так получилось. Я Севе сегодня скажу. Я знаю, он не простит, но я скажу.

– Не вздумай.

– Что?!

– Что слышала. Не вздумай ему ничего говорить. Поняла?

Рожай!

– Но, Маргарита Федоровна?!

– И никаких «но». Будешь рожать, я сказала!

И лицо у нее было такое, что Ника даже втянула голову в плечи и отпрянула, повторив испуганно:

– Что вы говорите, Маргарита Федоровна?.. Я ж объясняю...

– А не надо мне ничего объяснять. Это я тебе сейчас объясню, моя дорогая. Дело в том, что у Севы не может быть детей. Не может, понимаешь? Он в детстве свинкой с осложнением переболел, и мне врач сказал. Но Сева об этом не знает, поняла? Я от него скрыла. Так что – рожай.

– Я не могу.

– Можешь. Сделай его счастливым, Ника.

– Но это же нечестно, Маргарита Федоровна! Это... Это подло, в конце концов.

– Подло? Нет, дорогая, ты не права. Я люблю своего сына и хочу, чтобы он был счастлив. Пусть даже таким способом. И не смотри на меня своими глазами! Сама будешь матерью, тогда поймешь.

– Но как же?.. Мы-то с вами будем об этом знать... Как же мы-то?

– Да нормально. Мы с тобой будем сообщницами, вместе перед богом на скамью подсудимых сядем. Нет, не так... Я возьму на себя половину твоего греха. Вместе ведь легче его нести? Ничего, Ника, прорвемся.

– Какая же вы, Маргарита Федоровна... Вот всего ожидала от этого разговора, только не этого!

– А я вся такая непредсказуемая, такая противоречивая вся. Ты разве этого не поняла еще, моя рыжая прелесть? Ладно, давай замнем. И все, больше ни слова о настоящей правде. Нет ее, понимаешь? Есть только радость от того, что ты, моя дорогая, беременна. Хочешь, я тебе морковного сока сделаю? И творожка со сметанкой? А то на тебя смотреть страшно – такая испуганная.

– Нет, не хочу... Вообще есть ничего не могу.

– Надо, Ника. А хочу не хочу... Про это забудь пока.

– Я даже не знаю, что вам ответить, Маргарита Федоровна.

Растерялась как-то.

– А ты не теряйся, мы ж все решили.

– Значит, вы предлагаете ложь во спасение?..

– Фу, Ника. Терпеть не могу этих пошлых расхожих выражений. Как штамп в любовном романе – фу!

– Но ведь все равно – ложь.

– Да, ложь. Конечно, ложь сама по себе мерзкая штука, но любовь делает ее правдой. Она в конце концов побеждает ее, понимаешь? Перерабатывает с годами в полноценную и счастливую правду. И все, и хватит об этом, чего переливать из пустого в порожнее? Скажи лучше... кто еще о твоей секретной беременности знает?

– Томка знает... Я с ней советовалась. Мне страшно было с вами заговорить.

– Ну нашла с кем советоваться. Да, если Томка знает, это плохо, конечно. Придется ее от дома отвадить.

– Как это – отвадить? Поссориться, что ли?

– Ну это уж не твоя забота. Это я возьму на себя. В конце концов, могу я себе позволить хоть иногда воспользоваться классикой отношений и проявить свекровкину злобность?

– А... как вы ее проявите?

– Да не знаю еще. Подумаю. Например, скажу твоей подруге, что уводить мужа и отца из семьи – это некомильфо. И что двери нашего дома перед ней закрыты. По-моему, она должна оскорбиться, как думаешь?

– Думаю, да. Она и на меня обидится тоже. Я знаю.

– Вот и хорошо. Томка – не велика потеря. Пусть она своей жизнью живет. Тем более ведь на самом деле – некомильфо.

Томка и впрямь обиделась, исчезла из Никиной жизни. Да и не до Томки ей потом было. Токсикоз так сильно разыгрался, что пришлось в больницу лечь. И роды были трудные.

Сева всю беременность суеился над ней, как безумная клуша, сиял счастливыми глазами. Когда рожала, караулил под окнами роддома, чуть не выл от тревоги и страха. Потом, когда маленького Матвея домой привезли, совсем обзумел от счастья. Маргарите Федоровне даже пришлось осадить его немного:

– Знаешь что, сынок дорогой? Я понимаю, конечно, как

ты счастлив, но пора бы и честь знать, то есть задуматься о добыче хлеба насущного для семьи.

– Что ты имеешь в виду, мам? Я и так вроде.

– Да, вот именно, вроде. А надо не вроде, надо по-настоящему. Ну вот что ты к чужой фирме, к чужому делу прилип, а? Пашешь за всех, а они прибыль получают. Давно пора свое дело организовать. Ты же готовый предприниматель... Этот, как его?.. Слово забыла...

– Я металлотрейдер, мам.

– Да, он самый и есть! Ты же в этом деле собаку съел.

– Так я и сам думал. То есть и без твоих бесценных советов давно уже все решил, мам. Да, буду создавать свое дело. Просто я не думал, что именно сейчас...

– А когда? Именно сейчас и давай. И вместе с Никой. Зря она, что ли, красный диплом получила? Да еще аккурат в той области, в которой ты работаешь? Пусть кормит Матвея до года, а потом – вперед. Муж да жена – одна сатана, и в совместном бизнесе тоже. А я с Матвеем буду сидеть. Бабка я или кто? Давайте, давайте. Пора уже достойные деньги зарабатывать и загородным домом обзаводиться, нам с Матвеем свежий воздух нужен!

Так все и пошло – с легкой руки Маргариты Федоровны. Они с Севой действительно оказались «одной сатаной», то есть понимали друг друга с полуслова. Поначалу совместный бизнес не очень клеился, но у кого и что получается поначалу, когда суммарных налогов больше, чем самого дохо-

да? Да и сам доход уходил на развитие предприятия. Трудно быть предпринимателем-металлотрейдером, это бизнес особенный, непубличный. Надо вместе сидеть и соображать, как одному клиенту выстроить логистику по доставке перфорированного листа, а другому отгрузить шлифованный лист с отсрочкой или ждать полной оплаты. Клиент ведь детские горки делает, а городские власти с ним не рассчитались. Или как правильно составить складскую программу на следующий месяц... Да всяких трудностей было – не перечесть. Потом ничего, втянулись, увлеклись. Все стало получаться, первые достойные сделки пошли, первые деньги образовались. Дом начали строить...

Хороший дом получился. И бизнес шел неплохо. И Матвей вырос крепким здоровым мальчиком.

* * *

Ника вздрогнула от голоса Маргариты Федоровны – та спускалась со второго этажа:

– Все сидишь, на мужиков своих любишься? Ну-ну. Хорошие мужики, качественные. Ишь, заигрались, будто и торопиться им некуда. Пора идти разгонять, по-моему. Большого мужика дела ждут, а маленького тренер в спортивной школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.